

* * *

Тот блажен, кто не сам по себе.
В робе, в кителе, в гробе, в ходьбе,
Зависая над бездной – страховкой
Связан с сетью висячих мостков,
Под туманящий звон молотков,
Горд походкой, подкованной, ловкой.

Кто бы ни был – строитель, солдат,
Призрак предка – хранителя дат,
Альпинист, постовой, проститутка, –
Всем знаком этот страх высоты,
Дно вселенной – сухие кусты,
Ты убит и лопочешь, как утка.

Но земля, приближая лицо,
Вырывает из пальцев кольцо,
И рыдает надорванным альтом.
Кто в могиле был – встанет, горбат,
Милых ангелов рой – медсанбат,
Полетят каблуки над асфальтом.

Оттого все становятся в строй,
Что не страшно быть брату с сестрой,
А труба позовет – и повзводно
Побегут в небеса, на снега,
На незримого ныне врага,
И куда будет ветру угодно.

Стая, цепь, вереница, табун,
Аккуратные ёлки трибун,
Пирамиды, столпы, зиккураты, –
Мёртвых больше, чем ждущих черёд.
Город мёртвых уже не умрёт.
Тем спокойней круги и квадраты.

Камень только и чувствует связь
С тем, что будет ещё, и, боясь
За течение в Волге и в Каме,
Весь дрожит, хоть не видно ни зги,
И тогда настигают шаги,
И по сердцу звенят каблуками.

* * *

Мне нравится воздух прощальный
я почту пожалуй почтú
– почти почерневший печальный –
отправив письмо в темноту

где бездна побед и бесстраший
белуги взбешённой круги
где череп мой – истину в чаше –
в овраге находят враги

и я поцелую их в губы
сухой богомол – хоботком
и нежностью гордой и грубой
и шёпотом и холодком

прилежно черти конькобежец
систему сокрытых миров
что тают на солнышке нежась
как сонмы написанных слов

которые не произносят
ни вслух ни в сердцах ни в тюрьме
и тайно на сердце не носят
и не сохраняют в уме

и поле как выцветший фартук
и полосы по небесам
и поле и вензель и картуш
в тоске по былым голосам

молчать приготовиться к бою
и я никому не скажу
всё связано между собою
всё рвётся – дугой к виражу

* * *

Кто с историей шутит по-свойски –
Понимающе дышит, как лес.
И стоят в алфавите, как в войске,
Буквы с копьями наперевес.

Но в глазах, овладевших азами,
Хоронится угрюмый тиран,
Указующий солнцу глазами
Схорониться за контуры стран.

Грех гордыни – дорожные знаки.
Покаянием горбится дом.
Звёзд пылающих красные маки
Разгораются долго, с трудом.

О небесной стыдливости азбук,
О смущении дальних писем,
О смягчении красок хоть раз бы
Разузнать у невидимых стен.

Не скрижали тверды – это воздух
С долгим скрежетом ходит у дна.
Словно свёрла шипящие – в звёздах –
Имена, имена, имена.

На язык положу, наизусть я,
Назубок, навсегда затвержу:
Это долгое жаркое устье,
Это Волга впадает в баржу,

Это небо свернули, как свиток,
Это время скатали в чулок.
Это млечное царство улиток.
Это вечное варварство в срок.

МАРИЯ МАГДАЛИНА

Мир не найдёт себе места и времени,
но всего сильнее болит голова
ночью весенней, весёлой от бремени,
брызжет зелёною кровью трава,

брезжат, как тайнопись – заводи звёздные,
где бултыхается лунный сом,
чары, чернила, всё крашено позднею
кровью зелёной – мир невесом,

невыносим, он глядится в глаза мои,
так осиянная ночь – тиха,
самые первые, кислые самые
ветки зелёные – плоть Жениха,

времени дикорастущего завязь
сладко в звенящем кусать саду,
и, от любви к тебе не оправясь,
я появлюсь, но тебя не найду,

не обниму, – эти вечные прятки,
вечные ночи весенние – мой
звёздный, зелёный, убийственно краткий,
спелый, как сом, обозримый, земной,

морок неумный, восторг неумный,
ибо от крови зелёной пьян,
вмиг закипающей и незаёмной,
бьющей в ушах – это зренья изъян:

тихо Земля отражается в заводи
звёздной и кружится вместе с тобой,
жизнь, вместе с облачком чистым, но загодя,
перед рождением – это разбой,

это грабёж среди дня, среди ночи,
брызжет зелёною кровью трава,
нет, не чернила – зелёные очи,
нет, не предание – просто молва.